

Анархистские корни испанского интернационализма

Многое написано о причинах особого влияния анархизма на испанское рабочее движение. Часто в качестве простого объяснения указывают на промышленную отсталость, а то и на сохранявшиеся в Испании конца XIX – начала XX века ярко выраженные феодальные черты. Между тем, заметки Маркса 1854 года об истории Испании, не отрицая наличия феодальных пережитков, направляют исследование в иное русло – к анализу процесса остановки и разложения преждевременно начавшегося товарного и буржуазного развития.

Недостаточность экономического объяснения

Остаётся рассмотреть проблему промышленной отсталости, которая предполагала отсутствие или слабость крупных рабочих концентраций и, как следствие, социальное преобладание городской и сельской мелкой буржуазии. Эти социальные факторы, несомненно, отразились и на положении ремесленников-рабочих – первопроходцев испанской рабочей партии. Однако такой вопрос необходимо рассматривать с диалектических позиций.

Арриго Черветто в рецензии на книгу Энцо Сантарелли “Анархистский социализм в Италии” оспаривает упрощённую трактовку, согласно которой либертарианские течения рассматриваются исключительно как проявление отсталости: *«Можно ли ставить вопрос о соотношении базиса и политического движения в подобных терминах? Истину нельзя делить надвое. Сказать, что анархизм является выражением отсталого базиса, даже если это и правда, – значит ничего не сказать, если мы не свяжем частное “анархистское” явление с общим явлением. В противном случае может возникнуть огромное количество возражений. Почему анархизм имел больший успех во Франции, чем в Греции? И почему в Испании он был более популярен в промышленной Каталонии, чем в отсталой Эстремадуре? На этом уровне можно построить запутанную казуистику (где, как мы увидим, и в Италии встречаются мелкобуржуазные и ремесленные районы с преобладанием социалистов, а также рабочие районы с преобладанием анархистов, и наоборот), но не серьёзный анализ. Процесс пролетаризации, сопровождающий капиталистическую индустриализацию, – это болезненное, полное противоречий явление, а политическое сознание является его “отражением”, также развивающимся противоречиво и диалектически»¹.*

Для Черветто две стороны вопроса означали, что *«историческую реальность анархизма»* невозможно понять, не связав её с *«исторической реальностью реформизма»*; анархизм стал реакцией на реформизм – на протяжении многих лет в Италии именно анархизм был единственной формой *«революционной критики»* реформизма.

Но вернёмся к темпам испанского капиталистического развития. Мануэль Туньон де Лара в своём труде об истории испанского рабочего движения описывает страну, которая во второй половине 1850-х годов переживала период глубокой трансформации. К концу десятилетия численность населения значительно превысила 15,5 млн человек, 50 % из которых были моложе 25 лет, а 5,5 млн – моложе 15 лет. Рост численности сопровождался заметными изменениями в социальной структуре, обусловленными процессами индустриализации и пролетаризации.

Одним из объективных показателей процессов пролетаризации является урбанизация. По мнению Туньона де Лары, именно в эти годы в Испании началась *«настоящая урбанизация»*. В 1857 году население Мадрида достигло 281 тысячи человек, Барселоны – более 183 тысяч, Севильи – 112 тысяч, Валенсии – 106 тысяч.

К урбанизации следует добавить разложение крестьянства. Хотя, по современным оценкам, 67 % активного (мужского) населения по-прежнему было занято в сельском хозяйстве, тем не менее большую часть сельского населения (более 2,3 млн человек) составляли сельскохозяйственные рабочие. Численность занятых в промышленности, горнодобывающем деле и на железных дорогах едва превышала 200 тысяч человек.

Тем не менее в 50-е и 60-е годы развитие было очень динамичным. Хотя крупные железнодорожные сооружения и тяжёлая промышленность, сосредоточенная в основном в Астурии, всё ещё находились в зачаточном состоянии, каталонская текстильная промышленность достигла стадии полного развития. В 1857 году число промышленных

рабочих в Барселоне превышало 52 тысячи человек (примерно 30 % всего населения города).

Мелкобуржуазная идеология рабочего класса

Даже если признать относительную промышленную отсталость одним из факторов, повлиявших на анархистский характер истоков испанского рабочего движения, она всё же не может считаться решающей для понимания сути этого явления.

Даже индустриализирующаяся Германия 1830-х и 1840-х годов всё ещё сохраняла черты того, что Марксом и Энгельсом было названо *«скрытый пролетариат»*². Однако именно здесь в 1848 году зародился Союз коммунистов, лидерами которого были исключительно рабочие-ремесленники. Одно дело определять анархизм как *«мелкобуржуазную идеологию рабочего класса»*, другое дело – механически сводить его социальную базу во всех случаях к мелкобуржуазным слоям.

Как подчеркнул Черветто, Каталония с её центром в Барселоне стала колыбелью испанского анархизма. Но именно в этом регионе индустриализация начала активно преобразовывать социальную структуру страны уже во второй половине XIX века, что свидетельствует о гораздо более сложной основе анархистского движения.

Пи-и-Маргаль: испанский Прудон

Предшественником испанского анархизма был Франсиско Пи-и-Маргаль. Он родился в Барселоне в 1824 году в мелкобуржуазной семье. Будучи скромным банковским служащим, он был поражён работами Пьера-Жозефа Прудона (тогда неизвестного в Испании). В 1854 году вышла первая книга Пи-и-Маргалья *“La Reacción Y La Revolución”*, которую, по словам английского историка Джеральда Бренана (*“Storia della Spagna. 1874–1936”*), можно считать *«вехой в истории испанской политической мысли»*, несмотря на поспешность её написания и *«поверхностность многих идей»*. Основная тема книги – *«несправедливость власти»*, а единственный способ ей противостоять – федерализм, или, как только начинали тогда говорить, анархия. Так анархистские мифы Прудона начал проникать в социальную ткань городской Испании, состоявшей в то время в основном из мелкой буржуазии и ремесленников-рабочих, находившихся в процессе пролетаризации.

Для Пи-и-Маргалья *«каждый человек, осуществляющий свою власть над другим человеком, является тираном»*. Единственное решение – федерализм: *«Революция [...] – это идея справедливости [...]. Она разделяет власть количественно, а не качественно, как это делают конституционалисты [...]. Она атеистична с религиозной точки зрения и анархична в политике: анархична в том, что рассматривает власть как преходящую необходимость, атеистична потому, что не признаёт никакой религии, признавая их все»*. Путь, по которому, по мнению Пи-и-Маргалья, должна идти Испания, чтобы излечиться от своих недугов – насилия власти, коррупции элит, произвола военных, – заключался в следующем: *«Поскольку я не могу обойтись без избирательной системы, я сделаю всеобщее избирательное право обязательным. Поскольку я не могу обойтись без верховных магистратов, я буду менять их как можно чаще. Я разделю и распределю власть, я изменю её формы и продолжу её разрушать»*. Прудонистская структура тезисов Пи-и-Маргалья более чем очевидна. Можно лишь добавить следующее: в то время как во Франции Прудон предлагал порвать с традицией монархической централизации, в Испании мысль Пи-и-Маргалья устанавливала полную преемственность с политической историей его страны. Испанские анархисты просто возьмут эту систему у Пи-и-Маргалья, радикализовав её с помощью буйной и громкой риторики Бакунина.

Миссия Джузеппе Фанелли

Международное товарищество рабочих (I Интернационал) было основано в 1864 году. С самого начала *«реальными силами»* этого кратковременного расцвета стали английский тред-юнионизм и французский прудонизм, тогда как немецкий лассальянский социализм и русское народничество оставались на второстепенных позициях. Что касается Испании, то она, как и Италия, оставалась на заднем плане, выйдя на сцену лишь после поражения Парижской коммуны, то есть как раз тогда, когда МТР начало катиться под откос.

В октябре 1868 года в Испанию прибыл инженер Джузеппе Фанелли (1827–1877), бывший мадзинист и гарибальдиец, депутат Королевства Италия и эмиссар Михаила Бакунина. Хотя он представился испанцам как делегат Интернационала, на деле он действовал прежде всего от имени Альянса социалистической демократии – тайной организации, основанной Бакуниным. В Мадриде Фанелли познакомился с рабочими-типографами из Fomento de las Artes – прудонистского рабочего кружка, следовавшего федерализму Пи-и-Маргалья. Его речь произвела глубокое впечатление: он говорил на французском, которого почти никто из слушателей не знал, но в интонации быстро переходил *«от нот гнева и угроз в адрес тиранов и эксплуататоров»* к тонам *«сожаления и утешения, когда он говорил о страданиях эксплуатируемых»* (Д. Бренан, там же). За один вечер он привлёк молодых печатников на свою сторону. Единственная проблема состояла в том, что испанцы считали, что они присоединяются к МТР, хотя на самом деле они присоединялись к секте Бакунина. Недоразумение сохранялось до тех пор, пока не произошёл открытый раскол между МТР и бакунистами. Таким образом испанские неопиты анархизма часто смешивали в своей пропаганде “Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих” 1864 года Маркса, бакунистские принципы и федерализм Пи-и-Маргалья, не осознавая, в какую очевидную путаницу они погружаются.

Интернационал и испанские анархисты

Наибольшего успеха миссия Фанелли достигла в Барселоне, рабочие которой стали движущей силой МТР в Испании. Однако фактом остаётся то, что все контакты испанцев шли через Бакунина, и что реальная организация Интернационала в Испании по сути была лишь фантомом, за которым скрывался Альянс социалистической демократии.

19 июня 1870 года в Барселоне состоялся многотрудный рабочий конгресс: в нём приняли участие 90 делегатов, представлявших 150 рабочих обществ из 36 различных населённых пунктов. В собрании участвовали представители различных направлений: кооперативисты, федералисты-республиканцы и члены бакунистского Альянса. Именно последние, наиболее организованные и решительные, сумели навязать свои позиции и взять руководство в свои руки. В одной из принятых резолюций говорилось: *«Полагать теперь, что политическое государство может служить плацдармом для коллективизма, – значит полностью игнорировать происхождение власти, какова бы ни была её форма. [...] Государство – это машина, чьё непрерывное воспроизводство привилегий может породить лишь новые привилегии»*.

Иными словами, конгресс отверг политическую борьбу как таковую, а вместе с ней и любую форму завоевания политической власти рабочим классом. Это означало отказ от участия в выборах, от любых усилий по проведению социальных реформ, от борьбы за демократическую республику и даже от формирования классовых союзов для достижения этих целей.

Героическая, но обречённая на поражение борьба Парижской коммуны привела в Испанию не только новых членов, но также и мощную волну репрессий. После Лондонской конференции Международного товарищества рабочих, состоявшейся в сентябре 1871 года, испанцам пришлось иметь дело с продолжающимся расколом внутри Интернационала. В конечном итоге они массово последовали за Бакуниным, что было неизбежно.

Февраль 2025 г.

¹ - Cervetto A. Opere. Vol. 2: Il ciclo italiano. Milano: Lotta Comunista, 2017.

² - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 75.